

УДК 82:801.6; 82-1/-9; 82-93; 087.5
DOI 10.23951/1609-624X-2019-6-47-55

МОТИВ ВЕТРА/БУРИ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»

Т. Г. Мастепак, Е. А. Полева

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. 2019 год – юбилейный для двух писателей разных эпох: А. С. Пушкина (1799 – 1837) и В. В. Набокова (1899 – 1977). Данное исследование изначально не включало задачу – выявить «сближение» двух писателей, однако анализ мотива ветра привел к результатам, расширяющим уже сложившиеся в литературоведении представления о творческом диалоге Набокова с Пушкиным.

Цель – проанализировать мотив ветра/бури в романе В. Набокова «Отчаяние» в соотнесении с культурной традицией.

Материал и методы. Мотивный и интертекстуальный анализ с опорой на работы Б. Гаспарова, И. Силантьева. Для понимания функциональности и архетипической семантики мотива ветра/бури значимыми являются исследования К. Нагиной и Е. Никаноровой; среди набоковедческих работ важна прежде всего статья А. Долинина, описавшего принципы использования В. Набоковым пушкинского интертекста в романе «Отчаяние».

Результаты и обсуждение. При анализе «Отчаяния» было учтено, что повествовательный мотив часто реализуется в паре с мотивом-анонимом, поэтому в фокусе исследовательского внимания был не только мотив ветра/бури, но и безветрия.

Было установлено, что мотив ветра в романе полисемантичен и «работает» на раскрытие основных тем и проблем в романе (определение границ и сущности свободы воли, преступления и наказания), «участвует» в оформлении авторской концепции произведения. Рассматриваемый в романе мотив функционально соотносится с архетипической семантикой образа бури, традиционно воплощающего надличную волю и испытание, условием прохождения которого является прочность нравственных основ личности. В сюжете с имморальным персонажем (а в центре «Отчаяния» – убийца, не испытывающий раскаяния и мук совести) ветер имеет семантику «наказания» (в романе Набокова – «пугающий» ветер, «убийственный сквозняк»).

В исследовании выявлено использование Набоковым приема возрастающей градации в оформлении мотива ветра, который сопровождает нравственные метания Германа, превращаясь в бурю в момент финального отчаяния. Безветрие же возникает в кульминационных точках сюжета (убийства мнимого двойника и чтения Германом своей, должной оправдать, но разоблачившей его бездарность, «повести»).

Анализ мотива ветра позволил выявить в качестве значимого интертекста в романе пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке». Финал «Отчаяния» соотносится с итогом сказки: персонаж, пожелавший стать «деспотом» не только своего бытия, но и жизни других, остался «у разбитого корыта».

Заключение. Проведенное исследование позволило расширить представления об интертекстуальных связях романа В. Набокова, уточнить авторскую концепцию преступления и наказания в «Отчаянии».

Ключевые слова: В. Набоков, А. С. Пушкин, литература русской эмиграции, мотив ветра/бури, интертекстуальность.

Введение

Роман В. Набокова «Отчаяние» имеет непростую историю создания и публикации, которую описывает сам писатель в предисловии к англоязычной версии: книга была написана на русском языке в Берлине в 1932 г., печаталась в 1934 г. в эмигрантском журнале «Современные записки» в Париже, затем в русскоязычном берлинском издательстве «Петрополис». Роман был переведен автором на английский язык и в 1937 г. выпущен в Лондоне; «книга расходилась плохо, и несколько лет спустя весь тираж погиб от немецкой бомбы» [1, с. 60]. В 1965 г., не просто заново переводя роман на английский язык («Despair»), а «передылавая» его, В. Набоков дал следующий комментарий: «„Despair“ – сродни остальным моим книгам – ни-

чем не отвечает на социальные запросы современности, не содержит никакой истины... Не оказывает она и возвышающего действия на духовный орган человека, как и не указывает человечеству правый путь» [1, с. 60]. Писатель отказывает художественной книге в статусе «учебник жизни», однако дает однозначную оценку центральному персонажу Герману («дракон», «негодяй и психопат»), прямо признавая значимость морально-этической проблематики в «Отчаянии»: Германа «ад никогда не помилует» [1, с. 61].

Исследования рубежа XX–XXI вв. [2–6] доказывают, что выдвинутая *на первый план* нравственная проблематика (совместимости гениальности и злодейства, оправдания средств целью, границ и понимания свободы воли, преступления и наказа-

ния¹) отличает роман от других произведений Набокова 1930-х гг. Более того, для понимания авторской концепции произведения необходимо учитывать интертекстуальную поэтику прозы Набокова, сознательно ориентировавшегося на диалог с философско-этическими исканиями XIX – начала XX в. (включая гегельянство, ницшеанство, экзистенциализм и др.), с русской литературой и культурной традицией в целом [8–12].

Материал и методы

В романе В. Набокова «Отчаяние» ключевыми являются три встречи центрального персонажа-повествователя со своим мнимым двойником Феликсом, оформляющие сюжет замысла и воплощения убийства. После преступления Герман ожидает (вместо наказания) признания другими гениальности совершенного им, но этого не происходит, а затем он и сам себя разоблачает. Основные эпизоды сюжетной линии Германа (внезапная встреча с двойником, встреча-проверка замысла, раскрытие замысла преступления и имени убийцы следствием) маркированы пейзажной деталью – *ветреной* погодой. Преступление же и наказание (выход к отчаянию и ожидание ареста) совершаются, что особо подчеркивается в повествовании, *при полном отсутствии ветра*.

Наличие повторяющейся детали в узловых моментах повествования позволяет выявить функцию и семантику образа, развернутого в мотив, выраженный в «прямом» и «снятом» виде (Е. Мелетинский подметил, что, как правило, мотив «функционирует в паре с мотивом-антонимом» [13, с. 122]).

В качестве рабочего определения мотива мы используем сформулированное И. Силантьевым: это «повествовательный феномен, соотносящий в своей семантической структуре предикативное начало фабульного действия с его актантами и определенными пространственно-временными признаками, инвариантный в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантный в своих событийных реализациях в фабулах, интертекстуальный в своем функционировании и обретающий эстетически значимые смыслы в рамках сюжетных контекстов» [14, с. 32]. Для данного исследования важны такие, подчеркнутые исследователем, признаки мотива, как соотнесенность с разными уровнями поэтики произведения и интертекстуальная

природа, обуславливающая связь конкретного произведения с традицией.

Хотя мотив ветра «сопутствует» основному сюжетному мотиву встречи, он не является сюжетным. Это то «смысловое пятно», по определению Б. Гаспарова, которое репродуцируется в тексте [15, с. 30], имплицитно задавая авторский код, когда автор располагает «в тексте известное число компонентов таким образом, что их взаимодействие вызывает процесс индукции смыслов» [16, с. 333]. Соответственно, анализ мотива ветра/бури позволит уточнить авторскую творческую лабораторию и концепцию произведения.

Кроме этого, мы учитываем установку Набокова на использование художественных ресурсов интертекстуальности. Писателю было важно не только проявить свою авторскую индивидуальность, но и сохранить связи с культурной традицией. Это обуславливает наше внимание к «литературному интертексту» (термин Б. Гаспарова [17]), то есть сознательному включению в семантическую структуру мотива ветра отсылок к прецедентным текстам.

Результаты исследования

В романе «Отчаяние» В. Набоков использует фигуру недостоверного персонажа-повествователя, чье слово отражает субъективный взгляд. Как отметил Б. О. Корман, чем больше персонифицирован субъект повествования в тексте, тем дальше он отстоит (по кругозору, идейной точке зрения и пр.) от автора-носителя концепции произведения как целого [18]. Это важно понимать, так как следует различать семантизацию ветра персонажем-повествователем, прямо, в слове, выражающем свое мнение, и автором, «кодирующим» иную функциональность и значения образа.

Восприятие персонажем ветра должно быть рассмотрено в контексте набоковской мысли о том, что природа – самый сильный соперник и вместе с тем великий учитель художника. Эту мысль выражают и конгениальные Набокову персонажи (центральный герой «Дара»), и мировоззренчески не совпадающие с ним (Герман в «Отчаянии», персонаж-повествователь в «Соглядатае»). По Набокову, способность/неспособность повторить творческие фокусы (мимикрия, метаморфозы, оптические обманы) природы (соотносимой Набоковым с Богом-творцом), – мерило таланта художника².

¹ Исследователями (Н. Мельниковым, И. Смирновым) установлено, что фабулу романа Набокову «подсказали» конкретные преступления (убийства мнимых двойников с целью получить страховку), активно освещавшиеся газетами Германии [7], а также исторический факт, возможно, известный Набокову в интерпретации А. Дюма, о судебном процессе по делу Арно дю Тилля, которого в 1560 г. казнили за подмену с другим, похожим на него человеком, за присвоение чужой личности [8, с. 174–175].

² Набоков считал: «...все искусство – это обман, также как и природа...» [19, с. 140]; «...писатель-творец должен внимательно изучать труды своих конкурентов, в том числе и Всевышнего. Он должен обладать врожденной способностью не только воссоздавать, но и пересоздавать мир. Чтобы делать это как следует, <...> художник должен знать мир» [19, с. 156].

Однако писатель точно разводит и противоположно оценивает обман как *искусство* (в природе¹ или во вторичной реальности текста) и обман как *манипуляцию в социальной реальности*, направленную на достижение корыстных целей, как прагматичный жест, задевающий интересы, свободу другого. Обманщик-карикатурист, подражатель принципиально отличен от подлинного художника. Первый способен на мимезис (*подражание*, основанное на поэтике отражения), второй – на подобную природной мимикрию (*подражание и пересоздание* реальности, основанное на ее знании, через поэтику выражения)» [20, с. 18].

Герман перед первой встречей с Феликсом подмечает, что ветер «надувает» «*мнимой жизнью* подштаники», то есть придает неживому *подобие* жизни, как это делает художник, создавая иллюзию жизни для читателя/зрителя. Он выражает точку зрения, схожую с той, что Набоков озвучивал в интервью: «...всякое произведение искусства обман», – пишет Герман [21, с. 441]. Однако, в отличие от Набокова, его персонаж не различает, а отождествляет обман в жизни и в искусстве, интерпретируя его как способ самоутверждения, доказательства своей власти.

Атеист Герман пытается убедить себя и читателя в том, что он является сам себе господином (его имя в переводе с немецкого означает «господин человек»): «...идею Бога изобрел в утро мира талантливый шалопай» [21, с. 393]; «Если я не хозяин своей жизни, не деспот своего бытия, то никакая логика и ничьи экстазы не разубедят меня в невозможной глупости моего положения, – положения раба божьего...» [21, с. 394]. Однако Герман признает независимую от его воли силу обстоятельств, которые могут благоволить или мешать. Он интерпретирует встречу с двойником как подарок судьбы, как удачу, *случайно пойманную* именно им, способным, как он утверждает, лучшим образом распорядиться знакомством. Но при этом центральный персонаж воспринимает окружающих и природные условия как потенциальных разрушителей своего замысла, поэтому в его сознании актуализируется идея управления ими² или противоборства. В этом же ключе Герман воспринимает ветер как персонификацию *иной воли* и проявление *природы-обманщицы*, которую, как изначально кажется персонажу, он может *переиграть, перехитрить*.

¹ В «Даре» отец рассказывал Фёдору «о невероятном художественном остроумии мимикрии, которая не объяснима борьбой за жизнь (грубой спешкой чернорабочих сил эволюции), излишне изыскана для обмана случайных врагов <...> и словно придумана забавником-живописцем как раз ради умных глаз человека...» [21, с. 100].

² Практически любое общение Герман воспринимает как проверку своих способностей к «вдохновенной лжи», к манипулированию. Например, он многократно отмечает, что легко управляет сознанием и поведением жены Лиды; рад, что получил согласие Феликса соучаствовать в афере-подмене; демонстративно разоблачает свою ложь и смеется над доверчивостью читателя и т. д. Авторский же код – разоблачающий точку зрения персонажа (о чем многократно писалось исследователями, например, см. [20–23]).

По сути, замысел убийства двойника, названного Германом гениальным творением искусства, означает для самого персонажа попытку победить природу рукотворно. Он считает, что *имеет право* исправлять «недостатки, мелкие опечатки в книге природы» [21, с. 342] в своих интересах. Но его вмешательство в бытие несозидательно. Переиграть ветер для Германа означает, в сущности, остановить непредсказуемость жизни, саму жизнь, так как ветер уподобляется тому, что портит искусственное или неживое совершенство: «...смерть – это покой лица, художественное его совершенство: *жизнь* только портила мне двойника: так *ветер* туманит счастье Нарцисса...» (Курсив наш. – Т. М., Е. П.) [21, с. 341].

Перед второй встречей с двойником, которая нужна Герману, чтобы проверить свои способности обманывать, манипулировать другим, он радуется, что *перехитрил* стихию: «...ветер вырывал у меня огонь, наконец, *я забился* в подъезд, *надул ветер*, – какой каламбур!» (Курсив наш. – Т. М., Е. П.) [21, с. 374]. Однако *логика развития мотива* подтверждает, что Герман не замечает *мнимости* своей победы над ветром (который *заставил его* «забиться в подъезд»), как не рефлексировал и ложность возникшей в его сознании *подмены* выводов, что способность к обману отменяет необходимость следовать нормам морали. Так же, как он «надул» ветер, Герман планирует «*надуть*» и саму природу (исчезнуть, не умирая, подсунув смерти вместо себя другого, и *тем самым доказать, что он – не «раб Божий»*), и общество, выдав себя за убитого им двойника и таким образом переложить вину за убийство на свою жертву: «Не я искал убежища в чужой стране, не я обрастал бородой, а Феликс, убивший меня» [21, с. 440].

Авторская точка зрения проявлена в семантике ветра, которая не осознается персонажем. Мотив ветра в романе связан с открытым природным пространством и мотивом пути/дороги. Герман, переживающий кризис личностной и социально-культурной самоидентификации, вынужден постоянно перемещаться, быть в пути (подробнее об этом см. [24]). Он то приближается к двойнику и к мысли об убийстве, то отдаляется от него и своей «мерзкой мечтой». Первые две встречи с Феликсом не просто сопровождаются ветром – по мере оформления цели убить двойника ветер усиливается.

Ветер сопровождает Германа в *ситуациях сомнения*, творческого, этического, экзистенциального. Причем усиление сомнения сопровождается усилением ветра, который превращается в ураган тогда, когда Герман впадает в финале романа в отчаяние – крайнюю степень неуверенности в себе.

«Противодействие» Германа ветру в ситуациях выбора, неопределенности отсылает к архетипическому мотиву *бури* и сюжету *поединка/противоборства* человека стихии. К. А. Нагина выделяет два инварианта сюжета *бури*: «инфернальный и позитивный, упорядоченный» [25, с. 19]. В первом – это «хаотическое бесконечное кружение, отражающее *неразрешимость* главных проблем бытия», во втором – «путеводительная стихия» [25, с. 6]. В случае с Германом его сопровождает не попутный ветер, а вначале мешающий продвигаться к цели, в финале же вообще делающий движение невозможным.

Важно отметить, что и мотив *противоборства* человека и стихии в культурной традиции представлен в двух инвариантах сюжетного развития. Либо непогода (ветер, метель, ураган, буря на море и т. п.) успешно преодолевается героем (в ряде библейских сюжетов, фольклорных и литературных сказок, например «Снежной королеве» Х.-К. Андерсена). В таких сюжетах дан высоко нравственный герой, а буря метафорически воплощает испытание его духовных сил, пройдя которое он достигает *благой* цели. Победа героя над «бурей» утверждает ценность нравственного начала в человеке. Альтернативный вариант сюжета связан с принципиально иным типом героя – имморальным. В сюжетах такого типа буря, как отметила Е. К. Никанорова, служит знаком предупреждения, «...насылается в наказание за гордыню, забвение нравственных норм...» [26, с. 23]. Именно со вторым вариантом соотносится развитие мотива ветра в «Отчаянии». Кроме того, обнаруживаются системные аллюзии на «Сказку о рыбаке и рыбке» с подобной логикой разворачивания мотива бури.

Предположение, что Набоков ориентировался конкретно на сказку А. С. Пушкина, основывается на ряде аргументов. В целом пушкинский интертекст в романе, что было убедительно доказано исследователями [22, 23, 27], разнообразен и принципиален для Набокова. Сам писатель выделил значимость пушкинского «кода» для понимания романа в предисловии к его английскому переводу [1]. Но можно говорить и о *системе* тонких, имплицитно присутствующих аллюзий именно на пушкинскую сказку.

М. Азадовский установил, что Пушкин опирался не на фольклорные варианты сюжетов о жадной старухе, анализируя именно наличие усиливающейся градации в изображении бури на море¹ [28]. По мере увеличения «запросов» старухи усиливалось волнение моря: «море слегка разыгралось», «помутилось синее море», «не спокойно синее море», «на море черная буря» [29, с. 130–133]. «Черная буря» возникла, когда старик озвучил желание старухи стать «владычицей морскою», чтобы сама золотая рыбка «была бы у ней на посылках», т. е. когда старуха нарушила границу дозволенного человеку. В «Отчаянии» дана та же градация: при первой встрече с двойником игривый ветер не настораживает персонажа, перед второй встречей «вырывает у Германа огонь», а *после* совершения Германом убийства превращается в пугающую, «убийственную» бурю. Укрывшись в пансионате на границе между Францией и Испанией, Герман узнает, что его «гениальное» преступление раскрыто. Эта новость сопровождается «шумом и уханьем ветра»: «...меня пугал этот *беспредельный, все сокрушающий, слепящий, наполняющий гулом* голову, мартовский ветер, *убийственный* горный сквозняк» (курсив наш. – Т. М., Е. П.) [21, с. 444].

Кроме схожей структуры мотива ветра/бури, есть ряд ассоциативных сближений романа и пушкинской сказки. Двойник для Германа, как и рыбка в сказке, – метафора удачи, случайно пойманной в «океане» жизни. Двойник был воспринят как «чудо» [21, с. 337] (Герман многократно повторяет именно это определение встречи с двойником; ср. старик в сказке называет рыбку «великое чудо» [29, с. 630]). Вначале Герман взволнован «тайнственностью», «совершенством, беспричинностью, бесцельностью» этого «чуда», у него нет плана и цели, как использовать удачу. Он «отпускает» двойника, проигрывая роль старика из сказки, хотя Феликс готов *послужить* заинтересовавшемуся в нем Герману: «А работы у вас для меня не найдется?» [21, с. 339]. Этим в конечном счете и начинает пользоваться Герман, уже проигрывая сценарий пушкинской старухи, воспринимая Феликса, условно говоря, как золотую рыбку, способную исполнить его желания. Самое конкретное из них – жить на *берегу моря, у «сафирного залива» со своей женой, и так встретить старость* – по сути совпадает с зачином пушкинской сказки: «Жил старик со своею старухой // У самого синего моря» [29, с. 629]. Однако сопоставление со сказкой отражает зону сознания автора, Герман же *бессознательно* желает проиграть сюжет распорядка пойманной

¹ То, что в фольклорных вариантах ее нет, позволило ученому утверждать, что Пушкин взял в качестве основы вариант сказки, созданный братьями Гримм [28].

удачей иначе, чем получилось у старухи, с благоприятным исходом, и параллелей не проводит¹.

В целом, говоря о мотиве бури, исследователи (К. Нагина в их числе) прежде всего имеют в виду бурю на море. Море, как и ветер, – персонификация сил природы, стихии, воли, всего того, что с эпохи Античности связывается с понятием судьбы (кто ее субъект – сам человек или надличные силы), представлением о свободе/несвободе воли. Соответственно, сюжеты благоволения стихии человеку издревле и устойчиво в истории культуры сохраняют метафорическую семантику удачи (волны/рыба помогают герою достичь цели, море дарует волшебный предмет герою, царь морской исполняет желание и пр.). Борьба человека со стихией (морской или воздушной) семантизируется как попытка противопоставить свою волю бытийным силам (богам, Богу, природе, истории и пр.).

Образ моря в романе, до которого в реальности Герман так и не добрался, настойчиво повторяясь в его фантазиях, также организует мотив, в финале смыкающийся с мотивом ветра. Вначале в мечтах Лиды и Германа оно ласково-манящее: «Мне тоже страшно хочется куда-нибудь, – солнышко, волнышки. Жить да поживать...» [21, с. 369]. Спокойным, красивым («сафирным») его представляет Герман и в вымышленном («литературном») варианте завершения своей истории: «...я женился на ней, на вдовушке (То есть своей же жене. – Т. М., Е. П.), живем с ней в тихом живописном месте, обзавелись домиком ..., откуда вид на сафирный залив...» (курсив наш. – Т. М., Е. П.) [21, с. 441]. Реальное же положение дел соотносится с финалом пушкинской сказки, в котором на море бушует разрушительно грозная буря. У Пушкина: «Видит, на море черная буря: // Так и вздулись сердитые волны, // Так и ходят, так воем и воют» [29, с. 633]. В набоковском романе: «На шестой день моего пребывания ветер усилился до того, что гостиница стала напоминать судно среди бурного моря»; «шум и уханье» ветра-бури пугают Германа (курсив наш. – Т. М., Е. П.) [21, с. 445].

Знаково, что разыгравшаяся буря и в сказке, и в романе становится метафорой бытийной реакции

на безмерную порочность персонажей, их желание властвовать над природой: старуха захотела стать «владычицей морскою», а Герман «деспотом» не только своего бытия, но и жизни другого человека. Центральный персонаж романа в финале уже не «надувает ветер», а проигрывает ему (его смертельно пугает «убийственный сквозняк»). И преступивший границы дозволенного Герман, как и старуха из пушкинской сказки, оказывается ни с чем, «у разбитого корыта». Как и у Пушкина, ветер, перерастающий в бурю, – это одновременно и состояние бытия (или выражение оценки автора), реагирующего на нарушение границ дозволенного, и выражение эмоционального состояния героя: возрастающая злость и жадность старухи отражаются в возрастающем беспокойстве моря, проявляющем гнев ее владычицы золотой рыбки. Так и в романе нравственное падение героя сопровождается ветром, усиливающимся до бури, причем наивысшей точкой проявления стихии является не самоубийство, а положение персонажа после него, когда он испытывает не раскаяние, не вину, а разочарование от краха замысла из-за проигрыша (обмануть природу и общество не получилось).

Как отметила К. А. Нагина, «необходимым элементом сюжета (метели, бури. – Т. М., Е. П.) является мотив испытания... и взаимодействующий с ним мотив этического самоопределения персонажа» [25, с. 19]. Набоков, по сути, следует архетипическому сюжету, отмечая ветреной погодой эпизоды нравственного метания персонажа, но он использует и антонимичный мотив безветрия в двух значимых в сюжете эпизодах: убийства двойника и саморазоблачения, выхода к отчаянию.

Сцена убийства Феликса вписана в пейзаж, который лишен признаков жизни (нет движений и звуков окружающего мира). В интерпретации Германа природа – равнодушный, слепой и безмолвный свидетель преступления: «И какая тишина... Тишина казалась врожденной тут, неотделимой от этих неподвижных ветвей, прямых стволов, от слепых пятен снега» [21, с. 434]. «Молчание» природы интерпретируется Германом как доказательство «небытия Божьего»: ничего в бытии не подает знак, что совершать убийство не нужно,

¹ В целом искажение смысла, попытка переиграть иначе сюжеты произведений Пушкина, по точной мысли А. Долинина, являются набоковским имплицитным указанием на несостоятельность, бездарность Германа [22]. В пример ученый приводит более очевидную отсылку – на стихотворение «Пора, мой друг, пора...», строки которого центральный персонаж также переиначивает, интерпретируя «побег» как мнимое исчезновение [20, с. 156–162], как смену обстоятельств жизни (жить без трудов, но в неге, с любимой женой на деньги от страховки; ср. у Пушкина «В обитель дальнюю трудов и чистых нег»). Как подметил А. Долинин, цитация текста А. С. Пушкина в сознании Германа должна «уподобить <его> великому поэту, а ...безумный и пошлый замысел – пушкинскому побегу», но искажение цитаты «разоблачает глубинное, сущностное отличие его идиотского „жизнетворческого“ проекта от „завидной доли“ Пушкина» [22]. Пытается оспорить Герман и строку «На свете счастья нет», думая переменить жизнь, инсценировав свою смерть и присвоив имя двойника – Феликс, т. е. буквально стать счастливым, в соответствии с этимологическим значением нового имени (на это указывает сам Герман: «Его имя оказалось Феликс, что значит „счастливый“» [21, с. 340]).

ничто не мешает убить человека. На авторском же уровне «молчание бытия» акцентирует идею о свободе воли: природа не мешает нравственному выбору человека. Безветрие обнажает то, что Герман сам совершает свой выбор и принимает на себя ответственность за лишение жизни другого.

Важно, что безветрие сопровождает и сцену преступления, и сцену наказания. Исчезновение ветра упоминается в заключительной одиннадцатой главе романа, которую Герман не планировал писать: «Я даже сначала не понял, в чем дело, – но встряхнулся, и вдруг меня осенило: ураганный ветер, дувший все эти дни, прекратился» [21, с. 453]. При полном безветрии Герман найдет свою ошибку, из-за которой убийство легко было раскрыто.

Подметим, что наступивший в финале романа штиль отражает состояние бытия, но не внутреннего самоощущения Германа. Он хотел, но не достиг «воли», как не получил и «покоя» (повторимся, что рефреном Герман повторял пушкинское «покой и воля» и мечтал достичь их побегом от себя, подменой с двойником). В финале Герман констатирует, что «жаждет покоя» [21, с. 453], но не может «успокоиться», «Холодно. Какая смертельная, невылазная мука» [21, с. 461].

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что мотив ветра в романе дан как знак авторского несогласия с персонажем, решившим нарушить моральные и бытийные законы. А через мотив безветрия Набоков утверждает мысль (в духе экзистенциализма) о том, что человек обладает свободой воли, и вне зависимости от того, признается ли им наличие или отсутствие Бога как высшего нравственного мерила, он несет ответственность за свои поступки. Сущностным является не внешнее ограничение свободы или осуждение «толпы». Получается, что даже для не признающего нравственный закон, не испытывающего «мук совести» эгоцентрика самонаказание неминуемо. Оно не в раскаянии, а в сожалении об утраченном, и главное – в сомнении в самом себе: «...мерзкий голос вопил в ухо, что меня не признавшая чернь может быть и права... Да, я усомнился во всем, усомнился в главном, – и понял, что весь небольшой остаток жизни будет посвящен одной лишь бесплодной борьбе с этим сомнением, и я улыбнулся улыбкой смертника и тупым, кричащим от боли карандашом быстро и твердо написал на первой странице слово „Отчаяние“, – лучшего заглавия не сыскать» [21, с. 457].

Список литературы

1. Набоков В. Предисловие к английскому переводу романа «Отчаяние» (“Despair”) // В. В. Набоков: Pro et contra. Антология. Т. I. СПб.: РХГИ, 1997. С. 59–62.
2. Савельева В. Творчество и злодейство в романе В. Набокова «Отчаяние» // Русская речь. 1999. № 2. С. 10–16.
3. Левинг Ю. Раковинный гул небытия (В. Набоков и Ф. Сологуб) // В. В. Набоков: Pro et contra. Антология. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2001. С. 499–519.
4. Хасин Г. Театр личной тайны. Русские романы В. Набокова. М.; СПб.: Летний сад, 2001. 188 с.
5. Полева Е. А. Этика поступка и этика письма в романе В. Набокова «Отчаяние» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2006. № 8. С. 27–39.
6. Полева Е. А. Национальная идентификация героя в романе В. Набокова «Отчаяние» // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2009. № 4. С. 75–86.
7. Мельников Н. Криминальный шедевр Владимира Владимировича и Германа Карловича (о творческой истории романа В. Набокова «Отчаяние») // Волшебная гора. 1994. № 2. С. 151–165.
8. Смирнов И. П. Философия «Отчаяния» // Звезда. 1999. № 4. С. 173–183.
9. Семёнова С. Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. 590 с.
10. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалог на границах столетий: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2002. 304 с.
11. Гольинко-Вольфсон Д. Фавориты отчаяния («Отчаяние» Владимира Набокова: преодоление модернизма) // В. В. Набоков: Pro et contra. Антология. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2001. С. 751–760.
12. Злочевская А. В. Творчество В. Набокова в контексте мирового литературного процесса XX века // Филологические науки. 2003. № 4. С. 23–31.
13. Мелетинский Е. М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Текст и культура. Труды по знаковым системам. Вып. 16. Тарту, 1983. С. 115–125.
14. Силантьев И. Мотив как проблема нарратологии // Критика и семиотика. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2002. Вып. 5. С. 32–60.
15. Гаспаров Б. М. Литературные мотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1994. 303 с.
16. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 351 с.
17. Гаспаров М. Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия АН. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61, № 4. С. 3–9.

18. Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы / ред.-сост. Е. А. Подшивалова, Н. А. Ремизова, Д. И. Черашняя, В. И. Чулков. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2006. 552 с.
19. Набоков В. Два интервью из сборника «Strong Opinions» // В. В. Набоков: Pro et contra. Антология. Т. 1. СПб.: РХГИ, 1997. С. 138–168.
20. Полева Е. А. Мотив исчезновения в «русских» романах В. Набокова конца 1920–1930-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Томск, Томский гос. ун-т, 2008. 227 с.
21. Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 3. 480 с.
22. Долинин А. Набоков, Достоевский и достоевщина // Старое литературное обозрение. 2001. № 1 (277). URL: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/dol.html> (дата обращения 04.05.2019).
23. Шадурский В. В. Интертекст русской классики в прозе Владимира Набокова. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. 95 с.
24. Мастепак Т. Г. Мотив перемещения и семантика культурно-географических топосов в романе В. Набокова «Отчаяние» // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2018. Вып. 6 (195). С. 112–119. DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-112-119
25. Нагина К. А. Универсалии русской литературы: учеб.-метод. пособие. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2014. 19 с.
26. Никанорова Е. К. Буря на море, или Буран в степи (к вопросу о типологии мотивов). Статья первая // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 5 / под. ред. Т. И. Печерской. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 3–36.
27. Бессонова А. С. «Истина Пушкина» в творческом сознании В. В. Набокова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Коломна, Коломенский гос. пед. ин-т, 2003. URL: <http://cheloveknauka.com/istina-pushkina-v-tvorcheskom-soznanii-v-v-nabokova> (дата обращения: 14.05.2019).
28. Азадовский М. К. Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 1. С. 134–163.
29. Пушкин А. С. Сочинения: в 3 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 1. 735 с.

Мастепак Татьяна Геннадьевна, аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: tanja_mastepak@mail.ru

Полева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: polevaea@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 26.06.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-6-47-55

THE MOTIF OF WIND/STORM IN THE NOVEL *DESPAIR* BY V. NABOKOV

T. G. Mastepak, E. A. Poleva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The year of 2019 is the anniversary of two writers of different eras – A. S. Pushkin (1799–1837) and V. V. Nabokov (1899–1977).

This study did not initially include the goal of identifying the “bringing together” of two writers, but an analysis of the wind motive led to results that broadened the ideas about the creative dialogue between Nabokov and Pushkin already established in literature.

The aim of the work is to analyse the wind / storm motive in V. Nabokov’s novel “*Otchayaniye*” (*Despair*) in relation to cultural tradition.

Material and methods. Motive and intertextual analysis based on the work of B. Gasparov, I. Silantsev. For understanding of the functionality and archetypal semantics of the wind / storm motive, the studies of K. Nagina and E. Nikanorova are significant; among the research work on Nabokov, the baseline for this study is, firstly, the article by A. Dolinina, who described the principles of using V. Nabokov to use Pushkin’s intertext in the novel “*Otchayaniye*” (*Despair*).

Results and discussion. When analyzing “*Otchayaniye*” (*Despair*), it was considered that the narrative motive is often implemented in conjunction with an anonymous motive, therefore the focus of research attention was not only the wind motive / storm motive, but also windcalm. It was revealed that the wind motive in the novel is polysemantic and “works” to reveal the main themes and problems in the novel, “involved” in the design of the author’s concept of the work. It is associated primarily with moral and ethical issues: the definition of boundaries and the essence of free will, crime and punishment. It was found that the motive functionally considered in the novel correlates with the archetypal image of the storm, which traditionally embodies above the personal will and trial, the condition of passage of which is the strength of the moral basis of the individual. For the immoral character, who is the central hero of the novel, Herman (a murderer who is not experiencing remorse and torment of conscience), the wind turned into a storm, carries the semantics of punishment (“frightening” wind, “murderous drafts”). The study revealed the use of Nabokov

kov's method of increasing gradation in the design of the wind motive, which accompanies Hermann's doubts and moral throwing, turning into a storm at the moment of final despair. Stillness arises at the climax points of the plot (the murder of an imaginary double and Herman reading his own, which must justify, but expose his mediocrity, "story"). If Herman interprets windcalm as the indifference of being to human life, as the absence of God, then at the author's level "silence of being" emphasizes Nabokov's idea of free will: nature does not give signs and does not interfere with a person's moral choice.

The analysis of the wind motive made it possible to reveal, the Pushkin's fairy tale "Skazka o Rybake i Rybke" / *About the Fisherman and the Fish* as a significant intertext of the novel; the final "Otchayaniye" (*Despair*) correlates with the outcome of the tale: the character who wished to become a "despot" not only of his own being, but also of the lives of others (to take the place of God), remained "by the broken washtub".

Conclusion. This study made it possible to expand the understanding of the intertextual connections of the novel by V. Nabokov, to clarify the author's concept of crime and punishment.

Keywords: Nabokov, Pushkin, literature of Russian emigration, wind / storm motive, intertextuality.

References

1. Nabokov V. Predisloviye k angliyskomu perevodu romana "Otchayaniye" ("Despair") [Preface to the English translation of the novel "Despair"]. V. V. Nabokov: *Pro et contra. Antologiya* [V. V. Nabokov: Pro et contra. Anthology. Vol. 1]. Saint Petersburg, RHGI Publ., 1997, pp. 59–62 (in Russian).
2. Savel'eva V. *Tvorchestvo i zlodeystvo v romane V. Nabokova "Otchayaniye"* [Creativity and villainy in the novel of V. Nabokov "Despair"]. *Russkaya rech'*, 1999, no. 2, pp. 10–16 (in Russian).
3. Leving Yu. Rakovinnyy gul nebytiya (V. Nabokov i F. Sologub) [Shell rumble of nothingness (V. Nabokov and F. Sologub)]. V. V. Nabokov: *Pro et contra. Antologiya*. T. 2 [V. V. Nabokov: Pro et contra. Anthology. Vol. 2]. Saint Petersburg, RHGI Publ., 2001, pp. 499–519 (in Russian).
4. Khasin G. *Teatr lichnoy tayny. Russkiye romany V. Nabokova* [Personal secret theater. Russian novels of V. Nabokov]. Moscow, Saint Petersburg, Letniy sad Publ., 2001. 188 p. (in Russian).
5. Poleva E. A. Etika postupka i etika pis'ma v romane V. Nabokova "Otchayaniye" [Ethics of act and ethics of writing in the novel of V. Nabokov "Despair"]. *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog*. 2006, no. 8, pp. 27–39 (in Russian).
6. Poleva E. A. Natsional'naya identifikatsiya geroya v romane V. Nabokova "Otchayaniye" [National self-identification of a character in "The Despair" by Vladimir Nabokov]. *Vestnik TGU. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2009, no. 4, pp. 75–86 (in Russian).
7. Mel'nikov N. Kriminal'nyy shedevr Vladimira Vladimirovicha i Germana Karlovicha (O tvorcheskoy istorii romana V. Nabokova "Otchayaniye") [Criminal masterpiece of Vladimir Vladimirovich and German Karlovich (about the creative history of the novel of V. Nabokov „Despair“)]. *Vol'sheb-naya gora*, 1994, no. 2, pp. 151–165 (in Russian).
8. Smirnov I. P. Filosofiya "Otchayaniya" [Philosophy of "Despair"]. *Zvezda*, 1999, pp. 173–183 (in Russian).
9. Semyonova S. G. *Russkaya poeziya i proza 1920–1930-kh godov. Poetika – Videniye mira – Filosofiya* [Russian poetry and prose of 1920–1930 years. Poetics – Worldvision – Philosophy]. Moscow, IMLI RAN, Naslediye Publ., 2001, 590 p. (in Russian).
10. Zamanskaya V. V. *Ekzistentsial'naya traditsiya v russkoy literature XX veka. Dialog na granitsakh stoletiy: ucheb. posobiye* [Existential tradition in the Russian literature of the XX century. Dialogue on the borders of the centuries: tutorial]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2002, 304 p. (in Russian).
11. Golyngo-Vol'fson D. Favority otchayaniya ("Otchayaniye" Vladimira Nabokova: preodoleniye modernizma) [Favorites of despair ("Despair" of Vladimir Nabokov: overcoming modernism)]. V. V. Nabokov: *Pro et contra. Antologiya*. T. 2 [V. V. Nabokov: Pro et contra. Anthology. Vol. 2]. Saint Petersburg, RHGI Publ., 2001, pp. 751–760 (in Russian).
12. Zlochevskaya A. V. *Tvorchestvo V. Nabokova v kontekste mirovogo literaturnogo protsessa XX veka* [Nabokov's creativity in the context of the world literary process of the XX century]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences*, 2003, no. 4, pp. 23–31 (in Russian).
13. Meletinskiy E. M. Semanticheskaya organizatsiya mifologicheskogo povestvovaniya i problema sozdaniya semioticheskogo ukazatelya motivov i syuzhetov [Semantic organization of mythological narration and the problem of creating a semiotic index of motifs and plots]. *Tekst i kul'tura. Trudy po znakovym sistemam* [Text and culture. Works on sign systems. Issue 16]. Tartu, 1983, pp. 115–125 (in Russian).
14. Silant'yev I. Motiv kak problema narratologii [Motive as a problem of narratology]. *Kritika i semiotika – Critique & Semiotics*, 2002, issue 5, pp. 32–60 (in Russian).
15. Gasparov B. M. *Literaturnye motivy. Ocherki po russkoy literature XX veka* [Literary motifs. Essays on Russian literature of the XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1994, 303 p. (in Russian).
16. Gasparov B. M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, form. Linguistics existence]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 1996, 351 p. (in Russian).
17. Gasparov M. L. Literaturnyy intertekst i yazykovoy intertekst [Literary intertext and language intertext]. *Izvestiya AN. Ser. literaturnyy i yazyk – The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2002, issue 61, no. 4, pp. 3–9 (in Russian).
18. Korman B. O. *Izbrannyye trudy. Teoriya literaturnyy. Red.-sost. E. A. Podshivalova, N. A. Remizova, D. I. Cherashnyaya, V. I. Chulkov* [Selected works. Theory of literature. Ed.-comp. E. A. Podshivalova, N. A. Remizova, D. I. Cherashnyaya, V. I. Chulkov.]. Izhevsk, Institut komp'yuternykh issledovaniy Publ., 2006, 552 p. (in Russian).

19. Nabokov V. Dva interv'yu iz sbornika "Strong Opinions" [Two interviews from the compilation "Strong Opinions"]. *V. V. Nabokov: Pro et contra. Antologiya*. T. 1 [V. V. Nabokov: Pro et contra. Antologiya. Vol. 1]. Saint Petersburg, RHGI Publ., 1997, pp. 138–168 (in Russian).
20. Poleva E. A. *Motiv ischeznoventiya v romanakh V. Nabokova kontsa 1920–1930-kh godov*. Dis. kand. filol. nauk [The motif of disappearance in the novels of V. Nabokov in late 1920–1930-ies. Diss. cand. of philol. sci.]. Tomsk, 2008. 123 p. (in Russian).
21. Nabokov V. V. *Sobraniye sochineniy: v 4 t. T. 3* [Collected works: in 4 vol. Vol. 3]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 480 p. (in Russian).
22. Dolinin A. Nabokov, Dostoyevskiy i dostoyevshchina [Nabokov, Dostoevsky and dostoevshchina]. *Staroye literaturnoye obozreniye*, 2001, no. 1 (277) (in Russian). URL: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/dol.html> (accessed 4 May 2019).
23. Shadurskiy V. V. *Intertekst russkoy klassiki v proze Vladimira Nabokova* [Intertext of Russian classics in the prose of Vladimir Nabokov]. Velikiy Novgorod, NovSU Publ., 2004. 95 p. (in Russian).
24. Mastepak T. G. Motiv peremeshcheniya i semantika kul'turno-geograficheskikh toposov v romane V. Nabokova "Otchayaniye" [The motif of movement and semantics of cultural and geographical topos in V. Nabokov's novel "Despair"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2018, no. 6, pp. 112–119 (in Russian).
25. Nagina K. A. *Universalii russkoy literatury: uchebno-metodicheskoye posobiye* [Universals of Russian literature. Teaching aid]. Voronezh, VSU Publ., 2014. 19 p. (in Russian).
26. Nikanorova E. K. Burya na more, ili Buran v stepi (k voprosu o tipologii motivov). Stat'ya pervaya [Storm at the sea or snowstorm in the steppe (on the question of the typology of motifs). Article one]. *Materialy k Slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury*. Vyp. 5. Pod. red. T. I. Pecherskoy [Materials for the Dictionary of plots and motives of Russian literature. Vol. 5. Ed. T. I. Pecherskaya]. Novosibirsk, NSU Publ., 2002, pp. 3–36 (in Russian).
27. Bessonova A. S. "Istina Pushkina" v tvorcheskom soznanii V. V. Nabokova. Avtoref. dis. kand. filol. nauk ["Pushkin's truth" in the creative mind of V. V. Nabokov. Abstract of thesis. cand. philol. sci.]. Kolomna, 2003 (in Russian). URL: <http://cheloveknauka.com/istina-pushkina-v-tvorcheskom-soznanii-v-v-nabokova> (accessed 14 May 2019).
28. Azadovskiy M. K. Istochniki skazok Pushkina [Sources of Pushkin's tales]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii* [Pushkin: Temporary of the Pushkin Commission]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1936, issue 1. Pp. 134–163 (in Russian).
29. Pushkin A. S. *Sochineniya: v 3 t. T. 1* [Works in 3 vol. Vol. 3]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985, 735 p. (in Russian).

Mastepak T. G., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: tanja_mastepak@mail.ru,

Poleva E. A. Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: polevaea@sibmail.com